

БОЛЬШИЕ

КНИГИ

Дафна
Дюморье

ТРАКТИР
«ЯМАЙКА»

•
МОЯ КУЗИНА
РЕЙЧЕЛ

•
КОЗЕЛ
ОТПУЩЕНИЯ

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Д 96

Daphne du Maurier
JAMAICA INN
Copyright © Daphne du Maurier, 1936
MY COUSIN RACHEL
Copyright © Daphne du Maurier, 1951
THE SCAPEGOAT
Copyright © Daphne du Maurier, 1957
All rights reserved

This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK
and The Van Lear Agency LLC.

Перевод с английского
Майи Лахути, Николая Тихонова, Галины Островской

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Ильи Кучмы

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

Дюморье Д.

Д 96 Трактир «Ямайка»; Моя кухня Рейчел; Козел отпущения: романы / Дафна Дюморье; пер. с англ. М. Лахути, Н. Тихонова, Г. Островской. — М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2018. — 896 с. — (Иностранная литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-15494-0

Произведения английской писательницы Дафны Дюморье пользуются огромной популярностью во всем мире и переведены на десятки языков. Первый большой успех принес автору роман «Трактир „Ямайка“» (1936); сегодня эта книга считается классикой готической традиции в литературе XX века, а героиню Мэри Йеллан сравнивают с Джейн Эйр. На неповторимую атмосферу «Ямайки» несомненно повлияли впечатления от любимого Корнуолла, где Дафна Дюморье провела большую часть жизни. Сюжет романа «Моя кухня Рейчел» (1951) также разворачивается на фоне таинственных пейзажей Корнуолла. Эта книга во многом не уступает прославленной «Ребекке», а в чем-то и превосходит ее. Главная героиня — загадочная, непостижимая Рейчел — один из самых запоминающихся образов в английской литературе. Необычные, а порой и фантастические сюжеты Дюморье всегда отличает своего рода «достоверность невероятного». В романе «Козел отпущения» (1957), также представленном в настоящем издании, с виртуозной психологической точностью рассказана история странной встречи англичанина Джона, путешествующего по Франции, со своим... двойником, владельцем стекольного завода и хозяином старинного замка.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

- © М. Д. Лахути, перевод, 2018
- © Г. А. Островская (наследники), перевод, 2018
- © Н. Н. Тихонов (наследники), перевод, 2018
- © Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство Иностранка®

ISBN 978-5-389-15494-0

ТРАКТИР
«ЯМАЙКА»

ОТ АВТОРА

Трактир «Ямайка» существует по сей день. Это уютное, гостеприимное заведение, в котором не продают спиртные напитки, стоит на двадцатимильной¹ дороге между Бодмином и Лонстоном. В своей истории я изобразила трактир таким, каким он мог быть лет сто пятьдесят назад, и, хотя на этих страницах встречаются реальные географические названия, все описанные здесь персонажи и события являются вымышленными.

*Дафна Дюморье
Бодинник-бай-Фоуи*

¹ 1 английская миля равна 1609 м. — *Здесь и далее примеч. перев.*

ГЛАВА 1

Стоял конец ноября, день выдался холодный и ненастный. В одну ночь погода переменилась: ветер задул вспять и принес с собой гранитно-серые тучи и морозящий дождик. Было чуть больше двух часов пополудни, но бледный зимний вечер уже надвинулся на холмы и окутал их туманом. К четырем станет совсем темно. Сырой холодный воздух пробирался внутрь дилижанса, несмотря на плотно закрытые окна. Кожаные сиденья казались влажными на ощупь, а в крыше, наверное, была трещинка, потому что сверху то и дело брызгали мелкие капли дождя, оставляя на обивке темно-синие пятна, похожие на чернильные кляксы. На поворотах дороги карета вздрагивала от порывов ветра, а на открытых холмистых участках ветер дул с такой силой, что дилижанс сотрясался и раскачивался на высоких колесах, словно потерявший опору горький пьяница.

Кучер, натянувший воротник пальто по самые уши, согнулся на козлах чуть ли не пополам, безуспешно пытаясь прикрыться от ветра собственным плечом, а лошади, повинувшись его понуканиям, уныло шлепали по грязи; исхлестанные ветром и дождем, они уже не чувствовали кнута, который то и дело шелкал у них над головой, зажатый в онемевшей от холода руке хозяина.

Колеса скрипели и стонали, увязая в раскисшей колее. Жидкая грязь из-под колес долетала даже до окон дилижанса и вместе с упорно хлещущим дождем так заляпала стекло, что не было никакой возможности разглядеть окружающий пейзаж.

Пассажиры сбились в кучу, чтобы согреться, и дружно вскрикивали всякий раз, когда карета проваливалась в особенно глубокий ухаб. Один старичок, который не переставал возмущаться с тех пор, как сел в дилижанс в Труро, вдруг совсем вышел из себя: вскочил на ноги, нашарил оконную задвижку и с треском

опустил стекло, так что целый водопад дождевой воды мгновенно окатил и его самого, и всех остальных пассажиров. Старичок высунул голову в окошко и принялся пронзительным голосом ругать кучера, обзывая его жуликом и убийцей и крича, что они не доедут живыми до Бодмина, если и дальше гнать сломя голову; и так уже из них весь дух вышибло, и он лично ни за что больше не сядет в почтовую карету.

Неизвестно, слышал его кучер или нет. Скорее всего, весь этот поток попреков унесло ветром. Старикашка подождал минуту, закрыл окно, успев как следует выстудить всю внутренность кареты, и снова устроился в уголке, закутавшись в одеяло и что-то сердито бормоча себе под нос.

Рядом с ним сидела веселая краснощекая тетка в синем плаще. Сочувственно вздохнув, она подмигнула всем, кто на нее смотрел, мотнула головой в сторону старика и заявила уже, наверное, в двадцатый раз, что такой грязюки и не вспомнит, а уж она всякой погоды повидала на своем веку; да, денек выдался что надо, не летняя вам погодка, ничего не скажешь, — после чего порылась в большущей корзине, вытащила основательный кусок пирога и впиалась в него крепкими белыми зубами.

Мэри Йеллан сидела в углу напротив, как раз там, где с крыши текла струйка воды. Иногда ледяная капля попадала к ней на плечо, и Мэри нетерпеливо смахивала ее рукой.

Она сидела, подперев подбородок ладонью, и не сводила глаз с окна, заляпанного дождем и грязью, слабо надеясь, что солнечный луч разорвет хоть на минуту тяжелые тучи и снова выглянет ясное голубое небо, сиявшее вчера над Хелфордом, — выглянет, как счастливая примета.

Всего на каких-нибудь сорок миль успела она отъехать от родного дома, где прожила свои двадцать три года, и вот уже надежда увяла в ее душе, и мужество, которое поддерживало ее во все время долгой и мучительной болезни и смерти матери, — теперь готово было изменить ей при первой же атаке дождя и надоедливого ветра.

Ее угнетало уже то, что все вокруг было чужое. Через запотевшее стекло Мэри с трудом различала местность, совсем не похожую на ту, знакомую, от которой ее отделял всего один день пути. Как все это теперь далеко от нее, и может быть, навсегда: сверкающая на солнце река, пологие холмы, зеленые долины,

белые домики на берегу... Даже дождь здесь иной... В Хелфорде дождь падал так легко, так мягко, тихо шуршал среди листвы, терялся в густой траве, веселыми ручейками сбегал в широкую реку и впитывался в благодарную землю, которая щедро одаривала прекрасными цветами.

А здесь дождь хлестал, не зная жалости, и вода бесполезно уходила в жесткую, бесплодную почву. Здесь не было деревьев, разве что одно или два протягивали голые сучья навстречу всем ветрам, согнутые и скрюченные столетиями бурь, почерневшие от времени и долгих штормов. Если бы даже коснулось их дыхание весны, ни одна почка не посмела бы распуститься, опасаясь, что запоздалые заморозки убьют ее. Безрадостная земля: ни лугов, ни лесов... Только камни, черный вереск да чахлый раkitник.

Здесь не может быть хорошо ни в какое время года, думала Мэри. Или суровая зима, вот как сегодня, или иссушающий жар лета, от которого негде спрятаться, и трава еще до конца мая становится желто-бурой. Вся эта местность посерела от вечной непогоды. Даже люди на дороге и в поселках изменились под стать окружающей обстановке. В Хелстоне, где Мэри села в дилижанс, местность была еще знакомой. С Хелстоном связано множество детских воспоминаний. Когда-то отец каждую неделю брал ее с собой на базар, а когда его не стало, мать мужественно заняла его место и, как он, зимой и летом возила в тележке на базар яйца, кур и сливочное масло, а Мэри сидела рядом с ней и держала на коленях корзинку размером чуть ли не с собой, положив подбородок на ручку корзины. В Хелстоне все были с ними приветливы; фамилию Йеллан уважали. Все знали, что вдове пришлось нелегко после смерти мужа. Не всякая смогла бы жить вот так, одна с ребенком, тянуть на себе ферму, даже не думая найти другого мужчину. Был один фермер в Манаккане, который попросил бы ее руки, если бы только осмелился, и еще другой, вверх по реке, в Гвике, да только они по глазам видели, что она за них не пойдет. Она душой и телом принадлежала тому, ушедшему. В конце концов тяжелый труд на ферме взял свое, ведь она не щадила себя. Семнадцать лет вдовства она находила в себе силы тащить свой воз, но, когда пришло последнее испытание, она не выдержала такой нагрузки и сердце ее остановилось.

Дела их разладились, доходы на ферме падали, запасы таяли. В Хелстоне говорили, что настали плохие времена, цены снизи-

лись, ни у кого нет денег. И в верховьях реки — все то же самое. Того и гляди настанет голод. Потом напал какой-то мор на живность по всем деревням в окрестностях Хелфорда. Никто не знал, как зовется эта напасть, и от нее не было лекарств. Она пришла в новолуние, уничтожила все на своем пути, подобно поздним морозам, и ушла, оставляя за собой след из мертвых животных. Тяжелое это было время для Мэри Йеллан и ее матери. Куры и утки издыхали одна за другой у них на глазах, и теленок пал прямо на пастбище. Особенно жаль было старую кобылу, которая двадцать лет служила им верой и правдой; на ее широкой крепкой спине маленькая Мэри впервые в жизни прокатилась верхом. Кобыла умерла однажды утром, в стойле, положив свою верную голову на колени Мэри. Для нее вырыли яму под яблоней в саду, и, когда они ее похоронили и поняли, что она никогда уже не повезет их больше в Хелстон в базарный день, мать обернулась к Мэри и сказала:

— Какая-то часть меня тоже легла в могилу вместе с бедной Нелл. Не знаю, может, веры у меня не осталось или еще что, только на сердце такая тяжесть. Устала я, Мэри, не могу больше.

Она вошла в дом и села в кухне за стол, бледная как полотно, постаревшая лет на десять. Когда Мэри сказала, что нужно позвать доктора, мать нетерпеливо передернула плечами.

— Поздно, дочка, — ответила она, — опоздали на семнадцать лет.

И тихо заплакала — это она-то, которая никогда раньше не плакала!

Мэри побежала к старенькому доктору, который жил в Мога-не и когда-то помог ей появиться на свет. Он поехал вместе с ней в своей двуколке и по дороге говорил, качая головой:

— Вот что я тебе скажу, Мэри. С тех пор как умер твой отец, твоя мать не жалела ни тела своего, ни души, и вот теперь она сломалась. Не нравится мне это. Совсем не вовремя.

Они подъехали по извилистой дороге к ферме, что стояла на краю деревни. У калитки их встретила соседка, которой не терпелось сообщить плохие новости:

— Матушке твоей стало хуже! Вот только что, сию минуточку, вышла она из дверей, взгляд застывший, как у привидения, вся задрожала и упала прямо на дорожку. Миссис Хоблин к ней подошла, и Уилл Серл. Они ее отнесли в дом, бедняжечку. Говорят, глаза у ней закрыты.

Доктор решительно разогнал собравшихся у двери зевак. Вдвоем доктор и Серл подняли с пола неподвижное тело и перенесли на второй этаж, в спальню.

— У нее был удар, — сказал доктор, — но она дышит, и пульс ровный. Этого я и боялся — что ее вот так разом подкосит. Почему так случилось именно сейчас, после стольких лет, знают один только Господь Бог да она сама. Теперь, Мэри, ты должна доказать, что ты — дочь своих родителей, и помочь ей выкарабкаться. Кроме тебя, никто этого не сможет.

Шесть долгих месяцев или даже дольше Мэри ухаживала за матерью во время ее первой и последней болезни, но, несмотря на все их с доктором старания, вдова не хотела бороться. У нее совсем не осталось воли к жизни.

Казалось, она мечтала об избавлении и про себя молилась, чтобы оно пришло поскорее. Она сказала Мэри:

— Я не хочу, чтобы ты надрывалась так, как я. Такая жизнь калечит и тело, и душу. Когда меня не станет, тебе незачем оставаться в Хелфорде. Поезжай лучше в Бодмин, к тете Пейшенс¹.

Напрасно Мэри твердила матери, что она не умрет. Мысль о смерти прочно засела у больной в мозгу, и бороться с этим было невозможно.

— Мне не хочется никуда уезжать, мама, — говорила Мэри. — Я здесь родилась, и отец здесь родился, и ты тоже хелфордская. Здесь наши, йелланские края. Я не боюсь бедности и за ферму тоже не боюсь. Ты справлялась с ней одна семнадцать лет, так почему я не справлюсь? Я сильная, могу работать не хуже мужчины, ты же знаешь.

— Это не жизнь для девушки, — отвечала мать. — Я трудилась все эти годы в память о твоём отце и ради тебя. Когда женщина работает для кого-то, она может быть и спокойной, и довольной, а когда стараешься только для себя — это совсем другое дело. Тогда работаешь без души.

— А что мне делать в городе? — возражала Мэри. — Я могу жить только здесь, у реки. Никакой другой жизни я не знаю, да и не хочу знать. Для меня и Хелстон — слишком большой город. Лучше всего мне здесь, с нашими курочками, сколько бы их ни осталось, с зеленью в огороде, со старой свиньей и с лодочкой на реке. Что я буду делать в Бодмине, у тети Пейшенс?

¹ Patience (англ.) — терпение.

— Девушка не должна жить одна, Мэри, не то она повредится умом или пойдет по дурной дорожке. Или одно, или другое, тут уж никуда не денешься. Или ты забыла бедняжку Сью, как она бродила по кладбищу в лунные ночи и все звала возлюбленного, которого у нее никогда не было? И еще была у нас одна девушка, еще до твоего рождения, осталась сиротой в шестнадцать лет. Так она сбежала в Фалмут и стала гулять там с матросами. Не будет мне покоя в могиле, и отцу твоему тоже, если мы бросим тебя без присмотра. Тетя Пейшенс тебе понравится. Она всегда обожала всякие игры да веселье, и сердце у нее такое большое, как целый мир. Помнишь, она приезжала к нам двенадцать лет назад? У нее были ленты на шляпке и шелковая юбка. Один работник из Трелоуоррена все на нее поглядывал, да только она решила, что он ей не пара.

Да, Мэри хорошо помнила тетю Пейшенс, с кудрявой челкой и большими голубыми глазами, и как она смеялась, и болтала, и высоко подбирала юбки, переступая через лужи во дворе. Она была хорошенькая, точно фея.

— Что за человек дядя Джосс, этого я тебе сказать не могу, — продолжала мать. — Я его ни разу в жизни не видела, и общих знакомых у нас не было. А твоя тетушка, когда выходила за него замуж, десять лет тому исполнилось на прошлый Михайлов день¹, написала мне кучу всякой чепухи, словно девчонка какая-нибудь, а не взрослая женщина, которой уж за тридцать.

— Я им покажусь невоспитанной, — медленно проговорила Мэри. — У меня нет таких изящных манер, к каким они привыкли. Нам просто не о чем будет говорить.

— Они тебя полюбят ради тебя самой, а не ради каких-то дурацких ужимок. Обещай мне, дочка: когда меня не станет, ты напишешь тете Пейшенс, что мое последнее, самое заветное желание было, чтобы ты поехала к ней.

— Обещаю, — сказала Мэри, но на душе у нее становилось тяжело от одной мысли о таком неясном, ненадежном будущем, о том, что придется расстаться со всем, что она знает и любит, и даже родных стен не будет рядом, которые могли бы помочь ей пережить предстоящие трудные дни.

Мать слабела день ото дня; жизнь мало-помалу покидала ее. Она все-таки дождалась, пока сжали рожь, собрали фрукты и

¹ Михайлов день — 29 сентября.

с деревьев начали облетать листья. Но когда пришли утренние туманы и заморозки, когда река вздулась и воды ее, словно потоп, устремились в штормовое море, а волны с грохотом стали обрушиваться на хелфордские пляжи, вдова беспокойно заметалась по постели, хватаясь за простыни. Она называла Мэри именем умершего мужа, говорила о давно прошедших днях и о людях, которых Мэри никогда не знала. Три дня она жила словно в каком-то своем, отдельном от всех мире, а на четвертый день умерла.

На глазах у Мэри вещи, которые она знала и любила, одна за другой переходили в чужие руки. Птицу отправили на рынок в Хелстон. Мебель раскупили соседи — всю, до последней деревяшки. Одному человеку из Коверака приглянулся дом, и он купил его; с трубкой в зубах он стоял посреди двора, широко расставив ноги, и показывал, что и как переделает, какие деревья срубит, чтобы расчистить себе вид, а Мэри с омерзением смотрела на него из окна своей комнаты, где она упаковывала немногочисленные пожитки в отцовский сундук.

Из-за этого незнакомца из Коверака Мэри словно стала непрошеной гостьей в собственном доме; по его глазам было видно, что он ждет не дождется, когда же она уедет. Мэри и сама теперь только и думала поскорее покончить со всем этим раз и навсегда. Она снова перечитала письмо тети, написанное неровным почерком на самой простой бумаге. Тетя писала, что потрясена тем, какая беда свалилась на племянницу, что даже не подозревала, как больна ее сестра, ведь сама она много лет не бывала в Хелфорде. А дальше в письме говорилось: «Ты не знаешь, у нас тоже большие перемены. Я теперь живу не в Бодмине, а почти в двенадцати милях за городом, в сторону Лонстона. Это дикое, пустынное место, и, если ты приедешь к нам, я буду очень тебе рада, особенно зимой. Я спросила твоего дядю, он говорит, что не возражает, если ты не болтунья, и не станешь дерзить, и будешь помогать по дому, если понадобится. Ты, конечно, понимаешь, что он не может давать тебе деньги или кормить тебя даром. За стол и жилье ты должна будешь помогать в баре. Твой дядя, видишь ли, держит гостиницу — трактир „Ямайка“».

Мэри сложила письмо и спрятала в сундук. Странно было получить подобное послание от той веселой тети Пейшенс, какой она ее помнила.

Холодное, пустое письмо, без единого слова утешения, из него можно было ясно понять только одно: племянница не должна просить у тети денег. Тетя Пейшенс, с ее шелковыми юбками и изящным обращением, — жена трактирщика! Наверное, мать Мэри ничего об этом не знала. Тетинo письмо было совсем не похоже на то, что прислала счастливая невеста десять лет назад.

Но Мэри уже дала слово, отступить нельзя. Дом продан. Здесь ей уже нет места. Как бы ни приняла ее тетя, все-таки она — сестра ее матери, не следует об этом забывать. Старая жизнь осталась позади — милая, родная ферма и сверкающие волны Хелфорда. Впереди лежит будущее и трактир «Ямайка».

Так и получилось, что Мэри Йеллан выехала из Хелстона на север в скрипучей тряской колымаге. Вот проехали городок Труро близ устья реки Фал, с его черепичными крышами и острыми шпилями, с широкими мощеными улицами. Здесь синее небо над головой еще напоминало о юге, люди, стоящие у дверей домов, улыбались и махали вслед дилижансу. Но после Труро небо начало хмуриться. По обеим сторонам дороги потянулась необработанная земля. Деревни теперь попадались редко, из коттеджей не выглядывали улыбающиеся лица. Деревьев стало мало, живых изгородей не было вовсе. Потом поднялся ветер и принес с собой дождь. И наконец карета с грохотом вкатила в Бодмин, серый и неприветливый, как обступившие его горы. Пассажиры один за другим собирали вещи, готовясь сойти, только Мэри тихо сидела в углу.

Кучер, у которого по лицу стекали струйки дождя, заглянул в окно кареты:

— Вы едете дальше, в Лонстон? Сегодня тяжело будет ехать по вересковым пустошам. Знаете, вы ведь можете переночевать в Бодмине, а завтра поедете дальше. В карете-то никого, кроме вас, не остается.

— Мои друзья будут меня ждать, — сказала Мэри. — Я не боюсь дороги. И мне не нужно ехать до самого Лонстона. Высадите меня, пожалуйста, у трактира «Ямайка».

Кучер с любопытством уставился на нее.

— Трактир «Ямайка»? — переспросил он. — Вам-то он зачем понадобился? Там неподходящее место для барышни. Вы, часом, не ошиблись?

Он явно ей не поверил.

— О, я слышала, что он стоит на отшибе, — отозвалась Мэри, — но мне все равно, я не люблю город. У нас, на Хелфорд-Ривер, тоже очень тихо и зимой и летом, но я там никогда не скучала.

— А я и не говорил, что в трактире «Ямайка» скучно, — возразил кучер. — Вы, верно, не понимаете, вы ведь не здешняя. Правда, многих женщин испугало бы, что до него двадцать с чем-то миль, ну да я не об этом. Погодите-ка минутку.

Он обернулся и через плечо окликнул женщину, которая, стоя на пороге гостиницы «Ройял», зажигала фонарь у двери, так как уже стемнело.

— Миссус, — позвал кучер, — идите сюда, помогите уговорить барышню. Мне сказали, что ей надо в Лонстон, а она вот просит высадить ее у «Ямайки».

Женщина спустилась с крыльца и заглянула в карету.

— Места там дикие, суровые, — сказала она. — Если вы ищете работу на ферме, там вы ничего не найдете. На вересковых пустошах не любят чужаков. Лучше поищите здесь, в Бодмине.

Мэри улыбнулась в ответ:

— Со мной ничего не случится. Я еду к родным. Мой дядя — хозяин трактира «Ямайка».

Последовала долгая пауза. В полумраке кареты Мэри видела, что женщина и кучер разглядывают ее во все глаза. Ей вдруг стало зябко и как-то тревожно. Она ждала от женщины приветливых, ободряющих слов, но та молчала и вдруг попятилась от окна.

— Извините, — медленно проговорила она. — Это, конечно, не мое дело. Доброй ночи.

Кучер принялся насвистывать, сильно покраснев, как будто не знал, как выпутаться из неловкой ситуации. Мэри неожиданно потянулась к нему и тронула за рукав.

— Скажите мне, пожалуйста, — попросила она. — Я не обижусь. Что, дядю здесь не любят? С ним что-нибудь не так?

Кучер смутился еще больше. Он неохотно буркнул, отводя глаза:

— Нехорошее это место, «Ямайка». Про нее болтают разные разности; знаете, как оно бывает. Но я лично ничего не говорю. Может, все это и неправда.

— Что про нее болтают? — спросила Мэри. — Вы хотите сказать, там много пьют? Может быть, мой дядя привечает дурное общество?

Но кучер не хотел брать на себя ответственность.

— Я ничего не говорю, — повторил он упрямо. — И ничего я не знаю. Просто болтают то да се. Уважаемые люди туда ходить перестали, а больше мне ничего не известно. Раньше мы там и лошадей поили-кормили, и сами заглядывали выпить да закусить. А теперь как едешь мимо, так и нахлестываешь лошадей, пока не доберешься до Пяти дорог, да и там стараешься особо не задерживаться.

— Почему люди туда не ходят? Из-за чего? — не отступалась Мэри.

Кучер мялся, как будто не находил подходящих слов.

— Боятся, — выговорил он наконец и больше не произнес ни слова, только качал головой. Может быть, он почувствовал, что был уж очень резок, и ему стало жаль Мэри. Через минуту он снова заглянул в окно и заговорил с ней: — Не хотите чашечку чаю перед отъездом? Дорога-то неблизкая, а на пустошах холодно.

Мэри покачала головой. У нее пропал аппетит. Правда, чай согрел бы ее, но не хотелось вылезать из кареты и идти в гостиницу «Ройял», где та женщина станет на нее тарачиться и люди будут шептаться у нее за спиной. К тому же в глубине ее души маленькое трусливое существо нашептывало: «Останься в Бодмине, останься в Бодмине», и, оказавшись в уютной гостинице, Мэри могла уступить этому голоску. Но она дала слово матери, что поедет к тете Пейшенс, а слово надо держать.

— Ну, тогда отправляемся, — сказал кучер. — Вы нынче вечером единственная пассажирка. Вот вам еще плед, закутайте ноги. Как перевалим через холм, я малость подхлестну лошадок, а то погода сегодня не для дороги. Я только тогда вздохну спокойно, когда заберусь в кровать у себя дома, в Лонстоне. У нас никто не любит ездить через пустошь зимой, да еще в такую слякотищу.

Он захлопнул дверцу и вскарабкался на козлы.

Карета загрохотала по городским улицам, мимо прочных, надежных домов с деловито освещенными окнами, мимо редких прохожих, спешащих домой к ужину, пригибаясь под ударами ветра и дождя. В щели ставен просачивался приветливый свет свечей; наверное, там, за окнами, весело горит огонь в каминах, расстилают скатерти, женщины и дети садятся за стол, пока мужчины греют замерзшие руки у очага. Мэри вспомнила улыбку крестьянку, которая тоже ехала в дилижансе. Интересно, она

уже дома? Сидит за столом, а рядом теснятся ее дети? Какая она была уютная, со своими щеками-яблочками и с огрубевшими, натруженными руками! От ее глубокого голоса так и веяло надежностью. Мэри сочинила про себя целую историю, как будто она вышла вместе с той женщиной из кареты и попросила у нее пристанища. Она была уверена, что та бы ей не отказала. У нее нашлись бы для Мэри ласковая улыбка, дружеская рука и постель на ночь. Мэри стала бы служить этой женщине, полюбила бы ее, познакомилась бы с ее семьей, поделила бы с ней ее жизнь.

А вместо этого лошади с трудом карабкаются в гору. Выглянув в заднее окошко, Мэри увидела, как удаляются один за другим огоньки Бодмина, и вот уже последняя искорка замигала и погасла. Остались только ветер, и дождь, и двенадцать долгих миль бесплодных пустошей между Мэри и местом ее пристанища.

Мэри подумалось, что нечто похожее, должно быть, мог бы ощущать корабль, оставляя позади безопасную гавань. Но наверное, ни один корабль не чувствует себя таким одиноким, даже когда ветер завывает в снастях и морские волны перехлестывают через борт.

В дилижансе стало совсем темно. Факел горел дымно и тускло, а от сквозняка, дувшего из щели в крыше, желтоватое пламя металось в разные стороны, грозя поджечь кожаную обивку, и Мэри на всякий случай загасила его. Она сидела, забившись в угол, раскачиваясь в такт движению кареты, и думала о том, что никогда в жизни не представляла себе, каким зловещим может быть одиночество. Та самая карета, что весь день убаюкивала ее, словно в колыбели, теперь скрипела злобно и угрожающе. Ветер рвал крышу, и дождь с новой силой принялся хлестать в окна, потому что они уже выехали из-под прикрытия холмов на равнину. По обеим сторонам дороги расстилалась плоская степь без конца и без края. Ни деревца, ни кустика, ни хоть какой-нибудь деревушки; только бесконечные мили унылых темных пустошей тянутся, словно барханы в пустыне, к невидимому горизонту. Человек, который живет в этой безрадостной местности, думала Мэри, просто не может остаться таким, как другие люди. Даже дети, наверное, здесь рождаются корявые, точно черные кусты раkitника, согнутые силой неутихающего ветра, который дует сразу со всех сторон, с востока и запада, севера и юга! И души у них, должно

быть, такие же искореженные, и, видимо, черные мысли рождаются здесь, среди болот и гранита, среди жесткого вереска и расстрескавшихся каменных глыб. Здесь обитают потомки какого-нибудь странного племени, чьи предки спали на голой земле вместо перины, под этим черным небом. В них и сейчас, наверное, есть что-то от дьявола...

Дорога вела все дальше, через темные молчаливые земли, и ни один огонек не мигнул даже на мгновение, чтобы послать лучик надежды одинокой путешественнице. Должно быть, на двадцать одну милю пути между Бодмином и Лонстоном не было ни одного поселения, не было даже пастушьей хижины, и только трактир «Ямайка» угрюмо затаился у безлюдной дороги.

Мэри потеряла счет времени и расстоянию. Она готова была поверить, что полночь давно миновала и они проехали не меньше сотни миль. Ей уже не хотелось покидать безопасность кареты. По крайней мере, карета была ей знакома; Мэри ехала в ней с самого утра, а это — немалый срок. Нескончаемая поездка тянулась, как кошмар, но здесь ее хотя бы защищали четыре стены и дряхлая, протекающая крыша, и к тому же поблизости, на расстоянии окрика, находился кучер. Наконец Мэри показалось, что кучер еще сильнее погнался лошадей; слышно было, как он понукает их и его голос относит ветром.

Мэри подняла окно и выглянула. В лицо ей ударил порыв ветра с дождем, так что в первую минуту Мэри ничего не могла разглядеть. Отбросив мокрые волосы с лица, она увидела, что дилижанс бешеным галопом преодолевает склон крутого холма, а по сторонам дороги чернеет за пеленой дождя глухая степь.

Впереди и немного слева, на самом гребне холма, в стороне от дороги виднелась какая-то постройка. Во мраке смутно темнели высокие дымовые трубы. Вокруг больше ни одного дома. Если это и была «Ямайка», то она стояла в гордом одиночестве, открытая всем ветрам. Мэри плотнее закуталась в плащ и застегнула пряжку.

Через минуту лошади стали, все в пене, под проливным дождем. От них валил пар. Кучер слез с козел, спустил на землю сундук Мэри. Он явно торопился и все оглядывался через плечо.

— Вот вы и приехали, — сказал он. — Теперь только пройти через двор, и вы на месте. Стучите погромче в дверь! А мне надо торопиться, не то не успею сегодня в Лонстон.

В один миг он снова взобрался на козлы, подобрал вожжи и принялся со всей силы стегать лошадей. Карета закачалась, загремела по дороге и тотчас скрылась из виду, затерялась в темноте, как будто ее и не бывало.

Мэри осталась одна. Сундук стоял на земле у ее ног. Она услышала за спиной грохот засовов. В темном доме отворилась дверь. Какая-то огромная фигура вышла во двор, размахивая фонарем.

— Кто там? — заорал незнакомец. — Что вам тут надо?

Мэри шагнула вперед, всматриваясь в лицо неизвестного.

Свет бил ей прямо в глаза, и она ничего не могла рассмотреть. Незнакомец качнул фонарь из стороны в сторону и вдруг громко засмеялся, схватил Мэри за руку и грубо втащил ее на крыльцо.

— Ага, так это, значит, ты? — воскликнул он. — Явилась все-таки? Я твой дядя, Джосс Мерлин. Добро пожаловать в трактир «Ямайка»!

Он снова захохотал, втянул Мэри в дом, захлопнул дверь и поставил фонарь на столик в прихожей. Они посмотрели в лицо друг другу.

ГЛАВА 2

Он был громадного роста, наверное больше двух метров, с угрюмым лицом, смуглым, как у цыгана. Густые темные волосы падали ему на лоб и закрывали уши. Он выглядел сильным, как лошадь. Могучие плечи, длинные руки достают почти до колен, и кулаки размером с хороший окорок. Рядом с мощным телом голова казалась карликовой и уходила в плечи; от этого появлялось ощущение, что человек сутулится, и весь он, со своими черными бровями и всклокоченными космами, был похож на гигантскую гориллу. Впрочем, в лице не было ничего обезьяньего; крючковатый нос почти доставал до рта, который когда-то, пожалуй, был великолепен, но сейчас совсем ввалился. Большие темные глаза все еще были по-своему красивы, несмотря на морщины, красные прожилки и опухшие веки.

Лучше всего у него были зубы, все еще здоровые и очень белые. Когда он улыбался, зубы сверкали на загорелом лице, придавая ему сходство с мордой поджарого голодного волка. И хотя

обычно человеческая улыбка не имеет ничего общего с волчьим оскалом, у Джосса Мерлина это было одно и то же.

— Ты, выходит, и есть Мэри Йеллан, — проговорил он наконец, нагнув голову, чтобы получше рассмотреть ее. — Приехала в такую даль, чтобы заботиться о дядюшке Джоссе. Надо же, какое великодушие!

Он снова расхохотался на весь дом. Издевательский смех бичом хлестнул Мэри по нервам, и без того натянутым до предела.

— А где тетя Пейшенс? — спросила она, оглядываясь. Слабо освещенный коридор выглядел безрадостно: холодные каменные плиты пола и узенькая шаткая лесенка. — Разве она меня не ждет?

— Где же тетя Пейшенс? — передразнил хозяин дома. — Где моя дорогая тетушка, которая обнимет меня, и расцелует, и станет со мной цацкаться да нянькаться? А что, ты без нее и минуты прожить не можешь? Разве для дядюшки Джосса у тебя не найдется поцелуйчика?

Мэри попыталась. Противно было даже подумать о том, чтобы поцеловать его. Он, наверное, пьяный или не в своем уме. Скорее всего, и то и другое. Но Мэри не хотела его сердить: она слишком его боялась.

Он заметил, что с ней происходит, и снова захохотал:

— Нет-нет, я не собираюсь тебя трогать! Со мной ты в безопасности, как в церкви. Я, милая моя, никогда особенно не любил брюнеток, и вообще у меня есть дела поинтереснее, чем шашни строить с собственной племянницей!

Он ухмыльнулся, глядя на нее с презрением, как на дурочку. Разговор ему поднадоел. Он обернулся к лестнице и заревел, запрокинув голову:

— Пейшенс! Какого дьявола ты там застряла? Твоя девчонка приехала и ноет. Ее, вишь, от меня уже воротит.

На лестничной площадке зашуршали юбки, послышались медленные шаги. Замерцала свеча, кто-то ахнул. По узкой лестнице спускалась женщина, прикрывая глаза рукой от света. Из-под мягкого чепчика у нее выбивались жидкие седые пряди, свисающие до плеч. Она завила кончики волос, пытаясь изобразить прежние кудри. Напрасные старания! Ее лицо исхудало, кожа натянулась на скулах. Большие глаза смотрели неподвижно, в них словно стоял вечный вопрос, а губы то сжимались, то разжима-

лись в нервном тике. На ней была вылинявшая полосатая юбка, некогда вишневая, а теперь — блекло-розовая, на плечи наброшена много раз чиненная шаль. Видимо, она только что прицепила на чепец новую ленту в жалкой попытке как-то украсить свой наряд. Ярко-алая лента только подчеркивала бледность лица жутким контрастом. Мэри растерянно смотрела на женщину, онемев от горя. Неужели это несчастное, оборванное существо — та прелестная тетя Пейшенс, неужели это она одета словно замарашка и выглядит лет на двадцать старше себя самой?

Худенькая женщина спустилась в прихожую, взяла Мэри за руку, заглянула в лицо.

— Ты в самом деле приехала? — прошептала она. — Ты моя племянница Мэри, да? Дочка моей умершей сестры?

Мэри кивнула и про себя поблагодарила Бога за то, что мать не видит их сейчас.

— Милая тетя Пейшенс, — сказала Мэри ласково, — я очень рада снова вас увидеть. Столько лет прошло с тех пор, как вы приезжали к нам, в Хелфорд...

Тетя все оцупывала Мэри, проводила рукой по ее платью и вдруг припала к ее плечу и громко заплакала, со страхом глотая слезы и судорожно переводя дыхание.

— А ну, прекрати, — заворчал ее муж. — Кто же так встречает гостей? О чем ты хнычешь, дура чертова? Не видишь, что ли, девочка есть хочет. Отведи ее на кухню, дай ей бекона и выпить чего-нибудь.

Он подхватил с пола сундук Мэри и взвалил его на плечо легко, словно бумажный сверток.

— Отнесу это к ней в комнату, — заявил он, — и если, когда я спущусь, ужин не будет на столе, я тебе обещаю причину, чтобы поплакать; и тебе тоже, если желаешь, — прибавил он, наклонившись к Мэри и приложив громадный палец к ее губам. — Ну что, ты ручная или кусаешься?

Он опять загромыхал хохотом на весь дом и затопал по лестнице, неся на плечах сундук.

Тетя Пейшенс невероятным усилием справилась с собой, пригладила волосы прежним жестом, который Мэри помнила с детства, а потом, нервно мигая и дергая ртом, повела ее другим темным коридором на кухню, где горели три свечи, а в очаге дымился торф.

— Ты не должна обижаться на дядю Джосса, — сказала тетя. Она вдруг стала похожа на виляющую хвостом собаку, которую постоянной жестокостью приучили беспрекословно слушаться хозяина и которая, несмотря на пинки и побои, готова драться за него, как тигр. — С ним, знаешь ли, не надо спорить. У него есть свои причуды, чужие его поначалу не понимают. Он всегда был мне хорошим мужем, с самого дня нашей свадьбы.

Двигаясь по кухне как автомат, она накрыла стол к ужину, принесла из чулана хлеб, сыр и топленое масло, а Мэри тем временем скрючилась у огня, безнадежно стараясь согреть заледневшие пальцы.

Кухня была полна густого торфяного дыма. Он заползал во все уголки, синеватым облаком висел под потолком. От дыма у Мэри щипало глаза, щекотало в носу; она чувствовала вкус дыма на языке.

— Скоро ты полюбишь дядю Джосса и приновишься к его привычкам, — продолжала тетка. — Он очень красивый мужчина и очень храбрый. Его здесь все знают, уважают. Джоссу Мерлину никто и слова поперек не скажет. У нас ведь не всегда так тихо, как сегодня. Иногда собирается большое общество. Здесь, знаешь, очень оживленное движение, почтовая карета проезжает каждый день. И здешние помещики такие любезные, да, очень любезные. Вот только вчера заходил один сосед, я для него испекла пирог, он его взял с собой. «Миссис Мерлин, — говорит, — только вы одна во всем Корнуолле умеете печь пироги». Так и сказал, слово в слово. И даже сам сквайр, — это который сквайр Бассат, из Норт-Хилла, ему принадлежат все земли в округе, — он как-то на днях встретился мне на дороге, во вторник это было, так он снял шляпу и поклонился мне, сидя на лошади. «Доброе утро, сударыня» — так и сказал. Говорят, он в свое время был ужасный дамский угодник. А тут как раз Джосс вышел из конюшни, он там чинил колесо у двуколки. Спрашивает: «Как жизнь, мистер Бассат?» А сквайр отвечает: «В полной силе, не хуже тебя, Джосс!» Как они смеялись!

Мэри что-то пробормотала в ответ, но ей было больно видеть, как тетя Пейшенс старательно прячет глаза. Да и говорила она что-то уж очень гладко. Она была похожа на умную девочку, которая сама себе рассказывает сказку. Мэри страдала, глядя, как ее тетя играет подобную роль. Хоть бы уж она наконец замолчала! Почему-то этот поток слов был еще страшнее слез. За

дверью послышались тяжелые шаги, и у Мэри сжалось сердце. Она догадалась, что Джосс Мерлин спустился вниз и, вероятно, подслушал речи своей жены.

Тетя Пейшенс тоже его услышала; она побледнела, ее губы вновь нервно сжимались и разжимались. Хозяин дома вошел в кухню и окинул взглядом обеих женщин:

— Так, значит, куры уже раскудахтались? — Он больше не смеялся, глаза сузились, как щелочки. — Быстро же у тебя слезы просохли. Я слышал, как ты тут трещала. Болты-болты-болты, индюшка несчастная! Думаешь, твоя ненаглядная племянница поверила хоть одному слову? Да ты и младенца не обманешь, не то что нашу кисейную барышню!

Он с треском подвинул стул к столу и тяжело опустился на него, так что стул затрещал. Джосс Мерлин отхватил себе от краюхи толстый ломоть, шмякнул на него масла и набил полный рот. Жир потек по подбородку. Джосс махнул Мэри:

— Тебе надо поесть, я же вижу.

Он аккуратно отделил для Мэри тонкий пласт хлеба, нарезал его на кусочки и намазал маслом. Все это было проделано весьма изящно, совсем не похоже на то, как он обслуживал самого себя. Мэри почему-то страшно поразил этот внезапный переход от грубости к изысканности. Словно в его руках таилась какая-то неведомая сила, превращавшая пальцы то в неуклюжие дубины, то в ловких и умных слуг. Если бы он отхватил толстый кусок хлеба и швырнул ей в лицо, Мэри не так испугалась бы, — это вполне соответствовало всему его поведению. Но внезапное изящество, быстрые и умелые движения потрясли ее, потому что оказались неожиданными и не вписывались в сложившееся у нее представление об этом человеке. Мэри тихо поблагодарила и принялась за еду.

Тетя, не проронившая ни слова с тех пор, как ее муж вошел в комнату, поставила жариться бекон. Все молчали. Мэри чувствовала, что Джосс Мерлин наблюдает за ней, и слышала, как тетя у нее за спиной неловко возится со сковородкой. Вот она схватилась голой рукой за раскаленную ручку и, вскрикнув, уронила сковороду. Мэри вскочила помочь ей, но Джосс заорал, чтобы она села.

— Хватит и одной дуры, нечего там вдвоем валандаться! — рявкнул он. — Сиди где сидишь. Тетка твоя насвинячила, пусть сама и прибирает. Ей не впервой!

Джосс откинулся на спинку стула и начал ковырять ногтем в зубах.

— Что будешь пить? — спросил он Мэри. — Бренди, вино, эль? Может, тебе будет у нас голодно, но вот от жажды ты не умрешь. Еще ничья глотка не пересыхала у нас в «Ямайке»! — Он со смехом подмигнул Мэри и показал ей язык.

— Я выпью чаю, если можно, — сказала Мэри. — Я не привыкла к крепким напиткам, и к вину тоже.

— Что ты говоришь, не привыкла? Ну, тем хуже для тебя. Ладно, пей пока свой чай, но, клянусь дьяволом, через месяц-другой ты у нас запросишь бренди.

Он перегнулся через стол и схватил Мэри за руку.

— У тебя хорошенькие лапки для крестьянки, — заметил он. — Я боялся, что они у тебя красные и шершавые. Знаешь, просто с души воротит, когда тебе наливают эль безобразными руками. Правда, наши посетители не то чтобы слишком привередливы, да ведь в трактире «Ямайка» никогда раньше не бывало барменши.

Он насмешливо поклонился Мэри и выпустил ее руку.

— Пейшенс, радость моя, — позвал он. — Вот тебе ключ. Принеси мне бутылку бренди, черт подери! У меня такая жажда, что ее не зальют все воды Дозмари.

Жена бросилась исполнять приказание и мгновенно исчезла в коридоре. Джосс снова стал ковырять в зубах, время от времени принимаясь насвистывать. Мэри ела хлеб с маслом, запивая его чаем, который поставил перед ней Джосс. Голова у нее уже просто раскальвалась, глаза слезились от дыма. Мэри едва не падала от усталости и все-таки неотрывно наблюдала за дядей. Ей передалась тревога тети Пейшенс. Похоже, обе они были здесь как мышки, попавшие в мышеловку, а Джосс развлекался, играя с ними, словно чудовищный кот.

Через несколько минут тетя Пейшенс вернулась и поставила перед мужем бренди. Она закончила готовить, принесла бекон для себя и Мэри, а ее муж тем временем взялся за выпивку, мрачно глядя прямо перед собой и пиная ножку стола. Вдруг он грохнул кулаком по столу так, что чашки и блюда подскочили, а одна тарелка упала на пол и разбилась.

— Слушай, что я тебе скажу, Мэри Йеллан, — заорал Джосс. — Я в этом доме хозяин, усвой-ка это как следует! Будешь делать что велят, помогать по хозяйству, обслуживать посетителей —

я тебя и пальцем не трону. Но если, черт подери, ты станешь разевать пасть и вякать, я тебя в бараний рог согну; будешь из рук у меня есть, вот как твоя тетушка.

Мэри посмотрела ему прямо в лицо. Руки она держала под столом, на коленях, чтобы он не видел, как они дрожат.

— Я вас очень хорошо поняла, — сказала Мэри. — Я не любопытна и никогда в жизни не занималась сплетнями. Мне безразлично, чем вы занимаетесь в своем трактире, с кем общаетесь. Я буду работать по дому, и у вас не будет причин для недовольства. Но если вы хоть чем-нибудь обидите тетю Пейшенс, я вам обещаю — я немедленно уйду из трактира «Ямайка», разыщу мирового судью и приведу его сюда, и пусть вами занимается закон. Попробуйте тогда согнуть меня в бараний рог!

Мэри страшно побледнела. Она понимала: если сейчас Джосс снова заорет на нее, она расплатится, и тогда уж он станет хозяином положения. Неосторожные слова вырвались у нее помимо воли, сердце Мэри разрывалось от жалости к бедной, сломленной тетушке, и она не смогла сдержаться. Мэри не предполагала, что этим спасла себя: ее решительность произвела на дядю хорошее впечатление. Он откинулся на спинку стула и заметно расслабился.

— Неплохо, неплохо, — проворчал он. — Очень неплохо сказано! Вот теперь мы знаем, с кем имеем дело. Показываешь коготки? Славно, славно, моя милая. Видать, мы с тобой два сапога пара. Если уж мы будем с тобой играть, то в одной команде. Может быть, когда-нибудь у меня найдется для тебя работенка у нас в «Ямайке», какая тебе еще не встречалась. Настоящая мужская работа, Мэри Йеллан, когда приходится играть с жизнью и смертью.

Тетя Пейшенс тихонько ахнула.

— Ах, Джосс, — прошептала она, — пожалуйста, не надо!

В голосе тети Пейшенс прозвучала такая мольба, что Мэри с удивлением посмотрела на нее. Тетушка вся подалась вперед и делала мужу отчаянные знаки, чтобы он замолчал. Страдальческий взгляд тети напугал Мэри больше, чем все происшедшее этой ночью. Ее вдруг пробрал озноб и даже слегка затошнило. Почему тетя вдруг впала в такую панику? Что собирался сказать Джосс Мерлин? Мэри охватило жгучее любопытство, довольно жуткое, по правде говоря. Дядя нетерпеливо махнул рукой.

— Отправляйся спать, Пейшенс, — приказал он. — Надоело мне видеть за ужином твою мертвую голову. Мы с племянницей понимаем друг друга.

Жена сразу встала и пошла к двери, но по пути еще раз оглянулась с выражением бессильного отчаяния. Было слышно, как она почти бегом поднимается по лестнице. Джосс Мерлин и Мэри остались одни. Он отодвинул от себя пустой стакан из-под бренди и облокотился о стол.

— В моей жизни была всего одна слабость, — сообщил он, — и я тебе скажу какая. Выпивка! Это какое-то проклятие, я и сам понимаю. Никак не могу удержаться! Когда-нибудь выпивка меня погубит, и хорошая работа пропадет зря. Иногда я по многу дней не прикасаюсь к выпивке, разве что капельку, вот как сегодня. А потом вдруг жажда как нападет на меня, и я пью, что твоя губка, часами не отрываюсь от бутылки. Выпивка для меня — все: и сила, и слава, и женщины, и Царство Божие. В это время я — король, Мэри. Как будто весь мир держу в кулаке. И рай, и ад. Тогда я делаюсь очень разговорчивым и выбалтываю все свои дела направо и налево. Запираюсь в комнате и ору свои секреты в подушку. Тетка твоя запирает меня на ключ, а я, как протрезвею, начинаю барабанить в дверь, чтоб она выпустила меня. Никто об этом не знает, кроме нас с нею, да вот теперь я еще тебе рассказал. Рассказал потому, что я уже немного выпил и не могу держать язык за зубами. Но я не такой пьяный, чтобы совсем уж потерять голову. Не такой еще пьяный, чтобы рассказать тебе, почему я живу в этом богом забытом месте и почему я — хозяин трактира «Ямайка». — Его хриплый голос понизился почти до шепота. Торф едва тлел в очаге, по стене протянулись тени, похожие на длинные пальцы. Свечи тоже догорали, отбрасывая на потолок чудовищно искаженную тень Джосса Мерлина. Он с глупой пьяной улыбкой приставил палец к носу Мэри. — Этого я тебе не сказал, Мэри Йеллан. Нет, у меня еще осталась капля ума... и хитрости. Если хочешь узнать больше, спроси свою тетю. Она тебе расскажет сказочку. Я слышал, как она сегодня плела, будто у нас здесь собирается хорошее общество и сквайр снимает передо мной шляпу. Вранье, все вранье! Одно я тебе скажу, потому что ты это и так узнаешь. У сквайра Бассата не хватит духу даже нос сюда сунуть. Если он встретит меня на дороге, наверное, перекрестится да пришпорит свою лошадь! И все наши дра-

гоценные помещики тоже. Здесь больше не останавливаются ни дилижансы, ни почтовые кареты. А, мне плевать; у меня клиентов хватает. Пускай помещики обходят меня стороной, мне от этого только лучше. Да уж, у нас выпивают, и еще как! Кое-кто приходит в «Ямайку» в субботу вечером, а кое-кто запирается на замок и прячет голову под подушку, заткнув уши! Бывают такие ночи, когда ни одно окошко на пустоши не светится на целые мили вокруг, только в трактире «Ямайка» пылает огонь. Говорят, песни и крики слышно аж на фермах под Раф-Тором. В такую ночь ты можешь и сама заглянуть в бар, если захочешь, вот тогда и увидишь, какое у меня собирается общество!

Мэри сидела очень тихо, вцепившись руками в сиденье стула. Она не смела пошевелиться, боясь, как бы у него снова не переменилось настроение. Она уже поняла, что он может в один миг перейти от откровенности к самой бесцеремонной грубости.

— Все меня боятся, — продолжал Джосс, — вся их поганая свора! Боятся меня, а я никого не боюсь! Я тебе говорю: кабы я был образованный да ученый, я мог бы потягаться хоть с самим королем Георгом! Пьянство вот только меня губит, пьянство и горячая кровь. Это наше родовое проклятие, Мэри. Не было еще такого случая, чтобы кто-нибудь из Мерлинов умер в своей постели. Моего отца повесили в Эксетере. Он поссорился с одним типом и убил его. Моему деду отрезали уши за воровство. Его отправили в ссылку, он умер в тропиках от укуса ядовитой змеи. Я — старший из трех братьев, все мы родились в тени Килмара, что высится над Пустошью Двенадцати, вон в той стороне. Если идти через Восточную пустошь до самого Рашифорда, то увидишь громадную гранитную скалу, которая похожа на руку дьявола, вылезшую из земли. Это и есть Килмар. Кто родился в его тени, обязательно сопьется, вот как я. Мэтью, мой брат, утонул в Тревартском болоте. Мы думали, во флот подался, потому и нет от него вестей, а летом наступила засуха, семь месяцев не было дождя, глядим — Мэтью торчит в болоте, руки поднял над головой, а вокруг летают кроншнепы. А брат Джем, черт бы его побрал, у нас младшенький. Еще цеплялся за юбку матери, когда мы с Мэттом уже были взрослыми мужчинами. Мы с Джемом никогда не ладили. Слишком уж он шустрый и слишком острый на язык. Ну да в свое время его тоже поймают и повесят, как отца.

Джосс замолчал и уставился на свой пустой стакан. Взял его в руку, подержал и снова поставил на стол:

— Нет, хватит. Не буду сегодня больше пить. И так уж наговорил достаточно. Иди спать, Мэри, пока я не свернул тебе шею. Вот, держи свечку. Твоя комната прямо над крыльцом.

Мэри молча взяла подсвечник и хотела пройти мимо дяди Джосса, но он вдруг схватил ее за плечо и развернул лицом к себе.

— Иной раз ночью ты услышишь колеса на дороге, — сказал он, — и эти колеса не проедут мимо, а остановятся у «Ямайки». И еще ты услышишь шаги во дворе и голоса под окном. Когда такое случится, Мэри Йеллан, ты не вылезай из постели и голову спрячь под одеяло. Поняла?

— Да, дядя.

— Очень хорошо. А теперь убирайся, и, если еще хоть раз меня о чем-нибудь спросишь, я тебе все кости переломою.

Мэри вышла в темный коридор, наткнулась на диванчик, стоявший у стены, и наконец кое-как ошупью нашла лестницу. Поднявшись на второй этаж, Мэри остановилась, повернувшись лицом к лестнице, и попыталась сориентироваться. Дядя сказал — ее комната над крыльцом. Мэри пробралась через неосвещенную площадку, прошла мимо двух дверей по обеим сторонам коридора, — видимо, это были пустующие комнаты для гостей, которые больше не останавливались на ночлег в «Ямайке». Дальше ей попала еще одна дверь. Мэри повернула ручку и в мигающем свете свечи убедилась, что это ее комната, так как на полу стоял ее сундук.

Стены без обоев и голые доски пола. Перевернутый ящик вместо туалетного столика, на ящике — треснутое зеркальце. Ни кувшина, ни умывальника. Видимо, умываться придется в кухне. Кровать жалобно заскрипела, когда Мэри присела на нее, а два тонких одеяла показались ей сырыми. Мэри решила лечь не раздеваясь, прямо в запыленной дорожной одежде, и накрыться плащом. Она подошла к окну и выглянула. Ветер утих, но дождь все еще лил, вернее, уныло накрапывал, размазывая грязь на оконных стеклах.

В дальнем конце двора послышался шум: странный стонущий звук, словно его издавало какое-то больное животное. Было слишком темно, чтобы рассмотреть его как следует; Мэри различила только что-то темное, тихонько покачивающееся взд-

вперед. От рассказов Джосса Мерлина у нее разыгралось воображение, и на какой-то кошмарный миг ей показалось, будто это виселица, на которой висит удушенный. Но девушка тут же сообразила, что это просто вывеска трактира, которую давно не чинили, и поэтому она раскачивается от малейшего дуновения ветерка. Всего лишь обычная, на заржавевших петлях доска, которая знавала лучшие времена, а ныне белые буквы на ней стерлись и посерели, и вывеска отдана на милость ветров: «Трактир „Ямайка“» — «Трактир „Ямайка“»... Мэри задвинула шторы и забралась в постель. Зубы у нее стучали, руки и ноги онемели от холода. Она долго сидела на кровати, съезжившись в беспросветном отчаянии. Нельзя ли убежать из этого дома и как-нибудь одолеть двенадцать долгих миль до Бодмина?.. Но она так устала, вдруг не дойдет, свалится на полдороге и заснет, где упала, а на рассвете проснется и увидит, что над ней стоит громадный Джосс Мерлин?

Мэри закрыла глаза, и сразу перед ней встало его ухмыляющееся лицо. Потом ухмылка превратилась в сердитую гримасу, он затрясся от злобы. Мэри ясно видела его черные космы, крючковатый нос и длинные сильные пальцы, в которых таилась смертоносная грация.

Мэри чувствовала себя птичкой, попавшей в сеть. Сколько ни трепыхайся, все равно не выбраться. Если она хочет вырваться на свободу, нужно уходить сейчас. Вылезти в окно и бежать сломя голову по белой дороге, которая змеится по равнине. Завтра будет поздно!

Мэри раздумывала, пока не услышала его шаги на лестнице. Он что-то бормотал себе под нос и, к великой радости Мэри, свернул влево от лестницы, в другой коридор. Она решила не ждать больше. Если остаться под этой крышей хоть на одну ночь, мужество покинет ее, и тогда она пропадет. Сойдет с ума и сломается, как тетя Пейшенс. Мэри открыла дверь и на цыпочках выползла в коридор. У лестницы она остановилась и прислушалась. Ее рука уже лежала на перилах, а нога направила верхнюю ступеньку, когда из другого коридора до нее долетел какой-то звук. Кто-то плакал, стараясь заглушить подушкой тихие всхлипывания. Это была тетя Пейшенс. Мэри постояла еще минуту, потом вернулась в свою комнату, бросилась на кровать и закрыла глаза. Что бы ни ждало ее в будущем, как бы ни была она напугана, сейчас она

СОДЕРЖАНИЕ

ТРАКТИР «ЯМАЙКА». <i>Перевод М. Лахути</i>	5
МОЯ КУЗИНА РЕЙЧЕЛ. <i>Перевод Н. Тихонова</i>	253
КОЗЕЛ ОТПУЩЕНИЯ. <i>Перевод Г. Островской</i>	557

Литературно-художественное издание

ДАФНА ДЮМОРЬЕ
ТРАКТИР «ЯМАЙКА»
МОЯ КУЗИНА РЕЙЧЕЛ
КОЗЕЛ ОТПУЩЕНИЯ

Ответственный редактор Оксана Сабурова
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Анастасия Келле-Пелле, Анна Быстрова,
Лариса Ершова

Подписано в печать 12.09.2018. Формат издания 60 × 90^{1/16}.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 56. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

A-TLN-23873-01-R